

Шэнь Сичжоу, казалось, ничуть не заинтересовался темой, которую Хэ Цюянь так упорно пытался поддержать, и вяло ответил:

— Он протянул тебе зонт.

Хэ Цюянь рассмеялся и тут же переспросил:

— А знаешь, что я ответил?

Шэнь Сичжоу ответил:

— Спасибо.

— Ты всего пару дней как приехал, а уже понимаешь по-тибетски? — Хэ Цюянь выглядел то ли искренне удивлённым, то ли переполненным самыми разными чувствами. — Гений.

Шэнь Сичжоу безмолвно покосился на него:

— Я догадался.

Свернув на вторую улицу, они увидели бар Хэ Цюяня — он располагался третьим по счёту. Иероглиф «Пламя» на вывеске горел ослепительно-красным светом, выглядя предельно вызывающе.

Перед входом в Шэнь Сичжоу проснулся некоторый интерес, и он спросил:

— Ты знаешь тибетский?

— Немного, — ответил Хэ Цюянь. — Наслушался бытовых фраз и кое-что понимаю, но говорю не слишком правильно.

— Ту... Туджекэ, — произнёс Шэнь Сичжоу. — Так?

Хэ Цюянь кивнул, сдерживая улыбку:

— Именно так, гений Шэнь.

Уголки губ Шэнь Сичжоу едва заметно приподнялись, но, больше на него не глядя, он широким шагом вошёл в бар.

Внутри помещение было оформлено вполне стандартно, ничем не отличаясь от большинства других баров. Однако стало очевидно, что Хэ Цюянь соврал: дела здесь шли прекрасно, и уж в чьей-либо поддержке бар точно не нуждался.

Хэ Цюянь приблизился к нему, соблюдая умеренную дистанцию — не слишком близко, но всё же достаточно для того, чтобы его дыхание касалось шеи Шэнь Сичжоу. Под мелодичную музыку выступающего на сцене певца он произнёс:

— Ты не против, если я возьму тебя за запястье?

Шэнь Сичжоу поднял на него взгляд, его губы были плотно сжаты в прямую линию, и на вид он казался недовольным от такого вторжения в его личное пространство.

Хэ Цюянь по-джентльменски пояснил:

— Здесь слишком темно, а ты ещё не привык к планировке, я боюсь, что ты обо что-нибудь споткнёшься.

Шэнь Сичжоу нахмурился:

— Не споткнусь, — и добавил: — Я буду идти следом.

Хэ Цюянь сказал:

— Хорошо.

Шэнь Сичжоу последовал за Хэ Цюянем к барной стойке, и тот с привычной лёгкостью устроился на высоком стуле. Бармен привычно поприветствовал Хэ Цюяня, а затем вопросительно посмотрел на Шэнь Сичжоу.

Хэ Цюянь только было открыл рот, чтобы представить его, как Шэнь Сичжоу вежливо и учтиво опередил его:

— Я гость в Суге.

Бармен снова перевёл взгляд на Хэ Цюяня, и тот велел:

— Сначала две кружки ячменного пива.

Бармен с улыбкой кивнул и сказал что-то ещё, чего Шэнь Сичжоу не расслышал. Но Хэ Цюянь, выслушав его, поманил Шэнь Сичжоу за собой и повёл в дальний угол к столику.

Певец на сцене уже исполнял следующую песню. Шэнь Сичжоу слов не понимал, но догадывался, что это за песня. Ещё когда он работал, коллеги порой делились с ним видеороликами, которые называли маршем увольняющихся. Однажды он открыл один из таких, где на фоне пейзажей Юньнани играла именно эта мелодия. Кажется, на языке и.

Впервые услышав её тогда, он нашёл её лишь чистой и отрешённой от всего земного. Он редко слушал музыку, но, вернувшись домой, всё же нашёл её в приложении и, поддавшись странному порыву, открыл раздел с комментариями. Почитав их некоторое время, он решил, что больше никогда не станет её слушать.

Пробыв в задумчивости довольно долго, Шэнь Сичжоу очнулся, когда Хэ Цюянь постучал по столу, и посмотрел на него.

Хэ Цюянь кивнул на две кружки ячменного пива, которые им только что принесли.

Шэнь Сичжоу поблагодарил его, взял кружку и сделал глоток. Его глаза слегка заблестели.

Хэ Цюянь не упустил этого и поддразнил:

— Никогда раньше не пил?

Шэнь Сичжоу ответил:

— Нечасто.

Хэ Цюянь снова спросил:

— На деловых встречах и застольях?

Шэнь Сичжоу покачал головой, всем видом показывая, что не хочет продолжать этот разговор. Он сделал ещё один большой глоток: во вкусе чувствовалась карамельно-солодовая сладость, нотки цитрусовых, а если распробовать получше, можно было уловить даже лёгкую кислинку ананаса.

Хэ Цюянь с улыбкой наблюдал за ним. Дождавшись, пока тот допьёт, он спросил:

— Хочешь напиток или оставаться трезвым?

Шэнь Сичжоу, подперев голову рукой и искоса поглядывая на Хэ Цюяня с мягким выражением лица и расслабленными глазами, перебросил вопрос обратно:

— А ты?

— Я-то... — Хэ Цюянь тоже подпер голову одной рукой, встречая его взгляд. — Обычно я хочу напиться, но сегодня буду трезвым.

Шэнь Сичжоу поинтересовался:

— Почему?

Хэ Цюянь многозначительно ответил:

— Просто так. Нельзя же всё время быть пьяным.

Шэнь Сичжоу же, казалось, напротив, опьянел — в голове шумело, и он тоже принялся допытываться, словно ему во что бы то ни стало требовался ответ:

— Но ведь обычно ты не напиваешься.

В те вечера, когда Хэ Цюянь проходил мимо него во время одиноких прогулок под звёздами, его спина была прямой, шаги — уверенными, а выражение лица — неизменно спокойным. Когда их взгляды случайно пересекались, его глаза всегда оставались ясными.

Хэ Цюянь улыбнулся, но увёл разговор в сторону. Его голос зазвучал выше, а от выпитого алкоголя стал ещё более бархатным и низким:

— Ты что, наблюдал за мной?

Шэнь Сичжоу внезапно замер, а затем махнул рукой, обращаясь к Хэ Цюяню:

— Мне ещё одну кружку ячменного пива, пожалуйста.

В голосе Хэ Цюяня слышался смех:

— Но ты ведь так и не ответил мне: хочешь оставаться трезвым или напиться?

Шэнь Сичжоу опустил голову, разглядывая узоры на ладони. Этот вопрос почему-то поставил его в тупик.

Хэ Цюянь произнёс:

— Тогда я закажу что-нибудь покрепче, чтобы уж наверняка напоить. Алкоголь высокой крепости стоит дороже.

Шэнь Сичжоу поднял на него глаза:

— Лучше трезвым, от выпивки болит голова.

Хэ Цюянь, не сводя с него глаз, долго молча разглядывал его, наконец кивнул и заказал ещё две кружки ячменного пива.

Свою кружку Шэнь Сичжоу пил очень медленно. Певец на сцене сменил репертуар, и теперь это походило на местную народную песню, потому что двое музыкантов играли на традиционных тибетских инструментах.

Послушав какое-то время, он начал слегка покачиваться в такт мелодии, непринужденно раскачивая головой. На самом деле он чувствовал себя легко и приятно — здесь царила отличная атмосфера, и было бы совсем хорошо, если бы не этот сверлящий взгляд в спину.

Хэ Цюянь всё это время не сводил с него глаз.

Шэнь Сичжоу залпом допил остатки пива на дне кружки, а затем повернулся и одарил Хэ Цюяня холодным взглядом.

Хэ Цюянь опередил его, первым делом заявив:

— Ты вечно заставляешь меня вспоминать одного старого знакомого.

Шэнь Сичжоу опешил — это уже во второй раз Хэ Цюянь говорит нечто подобное.

Шэнь Сичжоу подыграл:

— Мы похожи?

— Нет, ни капли не похожи, — Хэ Цюянь внимательно, черта за чертой, изучил лицо Шэнь Сичжоу и задержал взгляд на еле заметной круглой ямочке прямо под его веком. — Просто ты вызываешь у меня ощущение чего-то давно знакомого, что когда-то уже было в моей жизни.

Шэнь Сичжоу уставился в дно кружки. Песня закончилась, музыкант и гости в зале ненадолго обменялись шутками, вызвав всеобщий смех, а кто-то громко выкрикнул ответную реплику.

Среди этого шума и гама Хэ Цюянь произнёс короткую фразу.

Вокруг было шумно, приглушённо мигал свет. Губы Хэ Цюяня шевельнулись, и он сказал:

— Моё сердце бьётся.

Шум стих, и Шэнь Сичжоу с самым невозмутимым видом спросил:

— Что ты сказал? Прости, я не расслышал.

— Ничего, — Хэ Цюянь пристально посмотрел на него и в конце концов спросил: — Ещё будешь?

Шэнь Сичжоу покачал головой:

— Я что-то захотел спать.

Хэ Цюянь тут же поднялся:

— Пойдём.

Они подошли к барной стойке, и Шэнь Сичжоу остановился со словами:

— Я расплачусь.

Хэ Цюянь, стоявший рядом, лениво протянул:

— Я же говорил, для тебя бесплатно.

Шэнь Сичжоу очень серьёзно посмотрел на него и покачал головой:

— Вообще-то, меня уговорила Мэй До.

Хэ Цюянь улыбнулся в ответ:

— Разве ты не знаешь? Капиталисты — те ещё злодеи. Даже если ты заплатишь, ей я всё равно процент не выдам.

— Возвращаемся, — Хэ Цюянь зевнул. — Я тоже хочу спать.

Шэнь Сичжоу больше не стал спорить, а бармен бросил:

— Красавчик, всё записано на его счёт.

Шэнь Сичжоу на мгновение замер и растерянно спросил:

— Он же здесь босс?

Бармен с абсолютно невозмутимым видом возразил:

— И что, боссу теперь запрещено пить в долг?

Хэ Цюянь резко схватил Шэнь Сичжоу за запястье — хватка была крепкой, до лёгкой боли.

Он быстрым шагом вытянул Шэнь Сичжоу из бара, и лишь когда они остановились под защитой навеса крыши, наконец разжал пальцы. Потерев переносицу, Хэ Цюянь с крайним неудовольствием произнёс:

— Прости, если бы мы ещё помедлили, он бы снова принялся меня отчитывать.

Шэнь Сичжоу посмотрел на дорогу и заметил:

— И правда идёт дождь.

Сказав это, он опустил взгляд на руку Хэ Цюяня.

Хэ Цюянь замер:

— Зонт в баре забыли.

Шэнь Сичжоу улыбнулся и спросил:

— И что делать? Придётся возвращаться под дождём.

Хэ Цюянь парировал:

— Разве нельзя пойти и забрать его?

Шэнь Сичжоу естественно ответил:

— Разве ты не боишься снова выслушать нотации?

Хэ Цюянь посмотрел на него — в этот миг между ними возникло полное взаимопонимание, и Шэнь Сичжоу молча развернулся, снова направляясь в бар. Хэ Цюянь беззвучно улыбнулся, глядя ему вслед.

Он вернулся очень быстро — взглянув на часы, Хэ Цюянь отметил, что прошло от силы минуты две.

Хэ Цюянь спросил:

— Он тебе что-нибудь сказал?

В голове Шэнь Сичжоу мелькнули слова бармена: Босс ходит сюда один уже столько лет, и это первый раз, когда он привёл гостя из своего гостевого дома.

Шэнь Сичжоу спросил бармена тогда: Разве Мэй До и остальные не рекламируют это место другим постояльцам?

Бармен удивленно покачал головой: С чего бы? Наверное, остальные гости даже не подозревают, кто здесь хозяин.

Хэ Цюянь взял зонт, раскрыл его и, повернувшись к Шэнь Сичжоу, спросил:

— О чём задумался?

Шэнь Сичжоу очнулся:

— Ни о чём, просто забрал зонт и вышел.

Хэ Цюянь кивнул и больше не стал расспрашивать. Ветер, летевший в лицо вперемешку с каплями дождя, был ледяным, пробирающим до самых костей.

Шэнь Сичжоу вдруг тихо усмехнулся.

Хэ Цюянь спросил:

— Чему улыбаешься?

Шэнь Сичжоу ответил:

— Мне кажется, этот мир похож на огромный гроб.

Хэ Цюянь согласился так, будто это было очевидно, и, одобрительно кивнув, добавил:

— Причём с отличной сквозной вентиляцией.

Шэнь Сичжоу снова рассмеялся.

Хэ Цюянь заглянул ему в глаза, но Шэнь Сичжоу как раз отвёл взгляд в сторону от зонта.

Вокруг царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь шумом дождя.

Вернувшись в гостевой дом, Дуньчжу уже прибирался перед уходом в общежитие для персонала. Пока Хэ Цюянь стоял на ресепшн, давая последние указания, Шэнь Сичжоу уже поднялся на лифте на пятый этаж.

Две кружки ячменного пива, казалось, и впрямь его опьянили, но поскольку он изначально выбрал трезвость, в нём странным образом уживались безумие и ясность рассудка.

В комнате то и дело раздавался какой-то назойливый шум, но источник обнаружить не удавалось, отчего на душе становилось так тревожно, что начинало не хватать воздуха.

<http://bllate.org/book/25607/3053991>